

Сказка шестая о Иванушке-дурачке

В некоторой деревне жил мужик, и у него было три сына: два были умные, а третий дурак. И как отец их весьма был стар, то призвал к себе всех троих сыновей и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что мне недолго жить, то, когда я умру, вы сделайте мне последнее удовольствие, ночуйте каждый из вас по ночи на моей могиле. Например, большой сын первую ночь, а средний вторую, а меньшой последнюю ночь». Дети обещались по его приказанию исполнить. Потом отец их вскоре после того умер, а дети похоронили его, как должно.

Потом пришла первая ночь, и надобно было большому брату идти на отцовскую могилу ночевать, но как он был женат, то говорил своей жене: «Дай дураку пирог, так он и пойдет за меня на могилу к батюшке ночевать». Невестка тотчас кликнула дурака и сказал ему: «Вот тебе пирог, поди и ночуй на могиле за моего мужа». Дурак взял от невестки пирог, и положил на плечо дубину, и пошел к своему отцу на могилу. Как пришел и сидел несколько времени, потом увидел дурак, что отец его из могилы встает, то говорил: «Куда ты, батюшка, встаешь?» Отец его спросил: «Кто пришел ночевать?» Дурак сказал: «Я, батюшка, сын твой дурак». Тогда отец сказал: «Ну, дурак, когда ты пришел ко мне ночевать, то я тебе подарю за то подарок». После того старик свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как конь прибежал, то и встал перед стариком как вкопанный, а старик сказал: «Вот, любезный сын, тебе конь, которым ты владей по смерти свою». Потом показал он дураку весь прибор, как-то: копье, палицу боевую и меч-кладенец. Дурак, видя такого прекрасного коня, благодарил своего отца. После того старик лег опять в могилу, а дурак просидел на его могиле всю ночь. Поутру же пошел домой, и как пришел, то братья его спрашивали: «Что, дурак, где ты был?» Дурак им отвечал: «Как где? Я ночевал у батюшки на могиле». Потом как день прошел, и пришла другая ночь среднему брату идти ночевать на могиле, то он говорил дураку: «Поди и ночуй за меня у батюшки на могиле, а я за работу тебе дам пирог». Дурак взял с радости пирог и дубину и пошел на могилу, а пришедши на могилу, сидел несколько времени. Потом увидел дурак, что отец его встал и говорил: «Кто пришел ночевать?» Дурак отвечал: «Я, батюшка, сын твой дурак». Тогда говорил старик: «Когда

твои братья заленились прийти по одной ночи ночевать на моей могиле, то я тебе подарю еще другого коня гораздо лучше первого». Потом старик свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. Потом старик говорил дураку: «Вот, любезный сын, и другой конь, и когда он тебе понадобится, то и ты также свистни». Дурак, видя, что конь этот лучше первого, благодарил своего отца. Потом старик отпустил коня и после того лег опять в могилу. И как ночь прошла, то дурак пошел домой.

А на третью ночь, когда пришел его черед идти ночевать, то ему уже не дали пирога, а горелую корку хлеба. Дурак взял корку, пошел к отцу и, пришедши, сел на могиле. Потом увидел, что отец его встал и спрашивал его: «Ты ли, дурак, пришел ночевать?» Дурак отвечал, что он. Тогда старик сказал: «Ну, любезный сын, когда ты и в последнюю ночь пришел ко мне ночевать, то также и я последнего коня тебе подарю». Потом старик свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, и стал перед стариком как вкопанный. А старик говорил: «Вот, любезный сын, тебе третий конь, которым ты повелевай, как тебе угодно, но только не сказывай ничего твоим братьям, а моим детям». Дурак говорил, что он им не скажет, а притом видел, что этот конь гораздо лучше тех двух. После того старик, простясь со своим сыном, сказал: «Ну, любезный сын, теперь уже больше меня не увидишь». Потом лег старик в свою могилу, а дурак, просидев всю ночь, пошел домой и, придя, ничего не сказывал своим братьям. После того стали братья делить отцовское имение и, разделив по себе, дураку ничего не дали. То он и говорил: «Что ж, братцы, а мне-то что?» Но они говорили ему: «Ты будь, дурак, тем доволен, что мы тебя будем кормить». После того жил дурак с своими братьями согласно.

И неподалеку от той деревни, где жил дурак, был город, в котором жил король и имел у себя трех дочерей, которые были уже невесты. В один день король призвал к себе дочерей и говорил: «Любезные дочери! Вы как теперь все уже невесты, то время вам думать о замужестве». На что отвечали ему дочери, что они находятся в его повелении. А король говорил им, что он отдает выбор женихов им самим. Тогда меньшая его дочь говорила: «Милостивый государь батюшка! Когда вы делаете такую милость и позволяете нам выбирать женихов, то прикажите мне отвести лобное место и на оном месте поставить двенадцать венцов, и кто пожелает взять меня себе в замужество, тот должен

непременно перескочить на лошади все двенадцать венцов, а вы, государь батюшка, извольте послать по разным государствам ведомости, чтоб все съезжались, и назначьте срок, к которому дню съезжаться». Король, любя свою дочь, не отказал ее просьбе и приказал отвести лобное место, а на оном поставить двенадцать венцов. После того послал по разным государствам ведомости к разным королям и назначил срок, к которому дню съезжаться.

Сей слух прошел по всему городу, что будут съезжаться короли, и сильные могучие богатыри, и из иных земель грозные послы, и, наконец, слух тот дошел и в ту деревню, где жил дурак с своими братьями. Но как стал приходить тот срочный день, то начали собираться его братья в город, чтоб посмотреть, как на лобном месте будут перепрыгивать на лошадях разные короли и сильные могучие богатыри чрез те двенадцать венцов, которые поставлены были по просьбе меньшей королевской дочери. И как дурак увидел, что братья его сряжаются ехать, то он, сидя на печи, спросил их: «Братцы, куда вы едете?» А братья ему отвечали, что едут в город посмотреть разных королей и богатырей. Дурак им говорил: «Возьмите, братцы, и меня с собою». Но они на него закричали: «Куда тебе, дураку, ехать и что ты знаешь, или тебя взять вместо чучелы?» Он больше им ничего не говорил, а они, собравшись, поехали в город. И как уехали, то дурак слез с печи и говорил своим невесткам: «Дайте мне лукошко, я хоть с горя пойду в лес да наберу грибов, когда братья не взяли меня с собою». Невестки дали ему лукошко, а дурак пошел в лес за грибами. И как пришел, скинул с себя лукошко и повесил на дерево, потом свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал перед Иваном-дурачком как вкопанный. Потом дурак в ушко влез, а в другое вылез и стал молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Потом сел на своего доброго коня, и поехал прямо к городу, и нагнал своих братьев, кричал им, чтоб они посторонились. Братья его тотчас дали ему дорогу, но он как скоро поравнялся с ними, то и начал их бить плетью. Братья его просили со слезами, чтоб их помиловал, а притом говорили, что они никакой вины за собой не имеют, но он говорил им, для чего они не посторонились. И так бив их долгое время, потом поехал от них в город, и как приехал к тому лобному месту, где уже было множество королей и сильных могучих богатырей, и оное место всюду окружено было рогатками. Зрители, увидя такого прекрасного богатыря, в ту ж минуту откинули рогатки и его впустили. Но как увидели короли, и богатыри, и грозные послы дурака, то все удивились как коню, так и ему, потому что ни у кого такого коня не было, да и никто не имел такой

красоты, как дурак, все наперерыв старались на него посмотреть, притом желали знать, коего он государства. Но дурак казал угрюмый вид, почему всякий и опасался его спросить. Потом пришел тот час, в который начали перепрыгивать чрез двенадцать венцов, то никто не мог перепрыгнуть больше трех венцов. И как пришел черед до дурака, то он, проехав сперва по лобному месту несколько раз, потом поскакал к тем венцам и прыгнул. Но конь его не мог перепрыгнуть всех двенадцати, а только перепрыгнул шесть венцов. Тогда короли и богатыри весьма ему удивились. Но дурак, видя свою неудачу, пустился с лобного места назад в свою деревню, что есть духу, и в минуту ускакал у всех из глаз. Приехав к своему лесу, слез с своего коня и скинул с себя панцирь и латы, также и коня расседлал и, завязав коню второка, пустил его гулять и сказал: «Ну, добрый конь, ступай и гуляй по чистым полям и по зеленым лугам, а когда я спрошу, то ты будь готов». После того надел он свое платье, также и лукошко снял с дерева и пошел по лесу искать грибов, а как он брал всяких, то вскоре набрал целое лукошко и принес домой. Невестки его, посмотрев на грибы и видя, что все почти были скрипицы да мухоморы, которые никуда не годятся, весьма рассердились на дурака и говорили: «Что ты, дурак, набрал таких грибов, разве тебе их есть». И начали его бранить.

Но дурак говорил им: «Вот еще, поди да набери грибов, да и то еще не угодишь». Потом приехали его братья и начали рассказывать, что они видели множество королей и сильных могучих богатырей, и какие были у них кони, а после рассказывали и про дурака, ибо они его не узнали тогда, как он их бил, то и говорили: «А как один приехал богатырь, сам он лицом прекрасный, платье на нем было драгоценное, а конь был под ним такой прекрасный, что все удивились, да притом такой озорник, что нас на дороге прибил немилосердно за то, что мы не посторонились с дороги». Дурак, сидя на печи, говорил своим братьям: «Это, братцы, полно, не я ли вас бил?» Братья на него закричали: «Что ты, дурак, врешь, тот богатырь весьма прекрасен, и притом чрезвычайно силен, а ты, дурак, сиди на печи, ничего не говори, а то кто-нибудь услышит, то тебя свяжут, да и нам не уйти».

Потом как день тот прошел, то братья его стали собираться опять в город, что, видя, дурак спросил их: «Куда вы, братцы, едете?» Братья ему говорили: «Мы едем в город смотреть съезду королей и сильных могучих богатырей». Дурак просил их, чтоб они взяли его с собой, но они не взяли и поехали одни. Дурак после их отъезда слез с печи и взял лукошко, пошел за грибами. А как пришел в лес, то скинул с себя лукошко и повесил на дерево. Потом свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал как

вкопанный. Тогда дурак в ушко влез, а в другое вылез, и стал молодец, ни вздумать, ни взгадать, ни в сказках сказать, ни пером написать. Потом сел на своего коня и поехал в город. И как ехал он очень скоро, то и догнал своих братьев, и кричал им издали, чтоб дали ему дорогу. Братья услышали, что он кричал, посторонились, а он как скоро поравнялся с ними, то и начал их бить плетью, и, бив их довольно, поехал в город. Потом приехал к лобному месту, в тот час откинули ему рогатки, и дурак как скоро въехал, то и отдал всем богатырям поклон, и стал с прочими в ряд. А как пришло то время, в которое надобно было перепрыгивать чрез те венцы, то и начали разъезжаться многие богатыри и прыгать через те венцы, то ни один не мог перепрыгнуть и на шесть венцов. Потом дошел черед до дурака. Он выехал на средину лобного места, проехал по оному месту несколько раз, а после поскакал к тем венцам и прыгнул на своем коне на девять венцов. И, видя дурак, что конь его не перепрыгнул всех двенадцати, то и поскакал обратно в лес. А как приехал к лесу, то, расседлав своего коня, снял с себя панцирь и латы, завязал коню второка и пустил его гулять. После того надел на себя мужичье платье и снял с дерева лукошко, пошел в лес за грибами, и, набрав всяких, пошел домой, и отдал невесткам. Невестки, видя те грибы, которые принес дурак, стали его бранить и говорили: «Разве тебя только кормить этими грибами». Дурак, ничего им не говоря, влез на печь и сидел. После того приехали его братья и стали рассказывать, как они видели на лобном месте множество королей и богатырей, потом говорили: «А как один приехал богатырь, то-то молодец, а притом конь такой прекрасный, что ни у кого такого не было, но притом такой озорник, и нас прибил на дороге за то, что мы не посторонились». Дурак, сидя на печке, говорил: «Полно, не я ли вас бил?» Братья закричали на него: «Что ты, дурак, мелешь, ну ежели кто-нибудь услышит, то тебя свяжут, да и нам не уйти». Дурак замолчал и сидел весь день на печи.

На другой день братья его стали опять собираться в город, а дурак, видя, говорил: «Возьмите, братцы, и меня с собою». Но они ему говорили: «Куда тебя, дурака, взять разве повезти вместо чучелы, и чтоб все смеялись». Дурак замолчал, а братья его поехали. И после их дурак слез с печи и взял лукошко, пошел за грибами. А как пришел в лес, то скинул с себя лукошко, повесил на дерево, сам свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал перед дураком как вкопанный. Потом дурак в ушко влез, а в другое вылез, и стал молодец, ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать, и надел на себя платье богатырское, сел на коня и поехал. И, не доехав до города, нагнал на дороге своих братьев, и кричал, чтоб они

посторонились и дали ему дорогу. Потом, как поравнялся дурак с ними и стал их бить плетью без милосердия, братья его стали просить: «Помилосердуй, милостивый государь! За что ты нас бьешь, мы тебе ничего не сделали». Но дурак им говорил: «Для чего вы не посторонились с дороги до тех пор, пока я стал кричать». И бил столько, сколько ему было угодно. Потом поехал от них в город и приехал к лобному месту; зрители тотчас откинули рогатки, и дурак приехал, королям и сильным могучим богатырям отдал всем поклон, и стал с ними в ряд. А они как увидели приехавшего дурака, то не могли надивиться коню его, также видя, что и сам дурак был собою отменно хорош, и всякий желал знать, коего он государства. Но как он ни с кем не говорил, то и к нему никто не смел подъехать и его спросить. Потом как прошел тот час, то стали все богатыри выезжать и перепрыгивать чрез те двенадцать венцов. Но изо всех богатырей ни один из них не мог перепрыгнуть и девяти венцов. Наконец дошел черед до дурака, и он проехал прежде несколько раз по лобному месту, потом поехал он к тем двенадцати венцам, и как разъярил своего коня, то и прыгнул на все двенадцать венцов прямо к принцессе, ибо она там сидела и смотрела на всех королей и богатырей. А как дурак перескочил все двенадцать венцов, то принцесса ударила его печатью в лоб, отчего и сделалась у него на лбу как звезда, и происходило от нее чрезмерное сияние. Дурак в ту ж минуту поскакал опять в свою деревню, после чего все короли и богатыри его хвалили.

Потом сошла меньшая королевская дочь с двенадцати венцов, и король говорил ей: «Дочь моя любезная, теперь хотя ты желаемое получила, но где ты сыщешь этого прекрасного жениха, ибо никто не знает, которого он государства, да притом, может быть, он уже женатый? Итак, лучше, любезная дочь, я тебе советую, чтоб выбрать жениха из приезжих королевичей, что сестры твои уже сделали». Но меньшая его дочь говорила: «Милостивый государь мой батюшка! Когда вы уже позволили выбирать нам женихов по своей воле, то прошу вас не принуждать меня к замужеству». И как сие происходило в городе, то дурак в то время приехал с лобного места прямо к лесу и слез с своего доброго коня, снял с себя панцирь и латы. Потом расседлал своего коня, пустил его гулять, а сам надел на себя мужичье платье, и взял лукошко, пошел по лесу искать грибов, и как он брал всякие, какие ему ни попадались, то вскорости и набрал. Лоб же свой завязал тряпицею, чтоб не видать было печати, и пошел домой, а пришедши, отдал своим невесткам грибы, которые он набрал, а те, посмотря, начали его бранить, что он таких набрал грибов, но дурак, ничего им не говоря, влез на печь. В то время приехали братья его из города и стали хвалить бывших там королей и богатырей, а потом говорили, что «уже один приезжал богатырь,

сам весьма прекрасен, и конь отменный, и все ему удивлялись, но притом такой озорник, нас на дороге немилосердно уже три раза бил». Дурак, сидя на печи, говорил: «Полно, не я ли вас бил?» Братья на него закричали: «Что ты, дурак, врешь?» Потом как братья стали обедать, то дурак развязал свой лоб и осветил всю избу своею печатью. Братья его, видя, закричали: «Что ты, дурак, делаешь?» Но он говорил, что ничего. И так делал он сие несколько раз.

В городе же у короля было великое веселие, ибо в то время отправлялись свадьбы двух его больших дочерей, а после того веселья поехали все короли и сильные могучие богатыри по своим государствам. И после их отъезда просила меньшая дочь короля, своего отца, чтоб публиковал по всему государству, съезжались бы все министры и министерские дети во дворец, ибо принцесса думала, что она в них найдет своего жениха. Король, любя свою дочь, послал указы, и министры в назначенный день съехались и кушали во дворце; но она не могла найти своего жениха. Итак, просила еще своего отца, чтоб приказал быть всякому простому народу, и назначить для них дома, и сделать обед: «Ибо у вас, государь батюшка, есть такие дома, в коих можно им до того срочного дня и быть». Притом говорила: «И кто меня уверит, государь батюшка, я не знаю, может статься мой нареченный жених и из простых, или может скрывает себя в черном народе?» Король долго не склонялся на ее просьбу, однако наконец согласился и публиковал по всему государству, чтоб всякий черный народ сходился и съезжался к назначенному сроку. И как дошла публикация в ту деревню, где жил дурак, то братья его начали собираться, чтоб ехать в город; дурак стал их просить, чтоб взяли его с собою, но они его ни за что не хотели взять. Тогда стали просить о дураке их жены, чтоб взяли они его с собою. Но братья говорили: «Ну, как мы возьмем, и он что-нибудь станет там говорить, то его свяжут, да и нам не уйти». Дурак стал им божиться, что он ничего говорить не станет. Итак, братья согласились его взять с собою. Потом как совсем собрались, то взяли дурака и поехали в город, и как приехали, то остановились нарочно для них в приготовленных домах.

И как пришел тот срочный день, и съезжалось всякого черного народу многое множество, то и сделан был для них обед, и как посадили их всех за стол, то после кушанья меньшая королевская дочь стала обносить всех напитками, и как дошла до того стола, где сидел дурак, то, обнеся всех, наконец, и тому дураку, и как поднесла ему кубок напитку, и увидела у дурака, что лоб был у него завязан тряпицею, спрашивала у него: «Что у тебя завязан лоб?» Дурак отвечал: «Я, сударыня, ходил в лес за грибами, да упал и ушиб себе лоб». Принцесса, не доверяя ему, говорила: «Развяжи, а я посмотрю». Дурак не знал, что делать, однако упрямылся и не хотел развязывать, но принцесса принудила его. Итак, дурак принужден был отвязать тряпицу, а как отвязал,

то и осветил всю палату. Принцесса тотчас велела ему выйти из-за стола, потом утерла его платком и повела его к королю. А как привела, то говорила: «Милостивый государь батюшка! Вот мой жених, которого я искала». Король, посмотря на дурака, весьма удивился и сказал: «Что ты, дочь моя, ты видишь, что это дурак, а тот был молодой и прекрасный богатырь». Но дочь говорила, что это точно тот, который приезжал на лобное место, и просила его, чтоб он выдал ее за дурака замуж. Король, сколько ни уговаривал свою дочь, однако никак не мог ее уговорить и принужден был выдать за дурака замуж. А как свадьба их кончилась, то король им отвел особые комнаты, и говорил своей дочери, чтоб ее мужа Иванушку-дурака не видал.

Итак, меньшая его дочь жила в своих покоях с дураком несколько времени. После того король услышал, что в его заповедных лугах бегают олени златорогий и на ногах у него по трубачу трубят, то он, желая иметь у себя такого удивительного оленя, говорил своим зятям: «Зятья мои любезные! Услужите мне и поймайте златорогого оленя, который бегают по моим заповедным лугам». Зятья его не хотели прогневить и приказали оседлать себе двух верховых лошадей, а как оседлали, то два королевича простились с своими женами и поехали в заповедные луга. Меньшая ж королевская дочь, придя в свои покои, говорили дураку: «Что ты сидишь дома и ничего не знаешь, те два батюшкины зятья поехали искать в заповедных лугах оленя златорогого, а ты сидишь». Дурак говорил: «А почему я знаю? Поди и попроси у короля, отца своего, чтоб он дал мне какую-нибудь водовозницу». Жена его пошла к своему отцу и говорила: «Милостивый государь мой батюшка! Пожалуйте моему мужу какую-нибудь лошадаенку, может статься, что он на свое счастье поймает того оленя, которого вы желаете». Король приказал дать ему самую плохую лошадаенку. Потом принцесса пришла в покои к дураку, говорила ему: «Поезжай, я у батюшки выпросила тебе лошадь». Дурак вышел на крыльцо и увидел, что ему хотят ее оседлать, то он не велел, а сел на нее без седла и поехал в поле.

И как отъехал от города версты две, то слез с лошади, ухватил ее за хвост и содрал с нее кожу, кинул на поле и сказал: «Вот вам, сороки и вороны, от короля гостинец». Потом свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал как вкопанный. Дурак в ушко влез, а в другое вылез, и стал молодец, ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Потом клал на коня седелечко черкасское, подпружечку бухарскую, двенадцать подпруг с подпругами шелку шемаханского; шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото на грязи не

ржавеет. И как сел Иванушка-дурачок на коня, то поскакал по заповедным лугам, как птица. В скором времени нашел он оленя златорогого и поймал его. Потом привязал за рога и вывел на дорогу, где раскинул себе полотняный шатер и привязал коня и оленя, сам лег отдохнуть. Два же королевича ездили по полям и нигде не могли найти того оленя, возвратились назад с тем намерением, чтоб донести королю, что нет такого оленя. А как ехали они по той дороге, где был шатер, то и увидели у шатра привязанного оленя, и говорили промежду собою: «Вон, видишь ли, братец, стоит шатер того богатыря, который приезжал на лобное место, видишь ли и привязанного оленя, поедem к нему и попросим из учтивости, чтоб продал нам его за какую б то ни было цену». А как и другой охотно согласился, то они, подъехав к шатру и сняв с себя шляпы, вошли в шатер и поклонились дураку весьма низко, говорили: «Милостивый государь! Мы приехали к вам купить вашего оленя». Дурак им отвечал: «Я бы с радостию вам его продал, но как я стал его ловить, то не обещался его продавать, а положил завет». Тогда королевичи спросили его, что за завет он положил? Дурак им сказал, что завет его невелик, только с ноги по пальцу; притом говорил им, что как он из дальнего государства, то никто и не сведает, что они не сами его поймают. Королевичи совсем его не узнали, а почитали его из дальних государств приехавшего, притом, желая услужить королю, своему тестю, согласились дать ему с ноги по пальцу. Итак, разулись они оба, а дурак отрезал им по пальцу, после того они обулись и, взяв с собой оленя, поехали в свое государство.

Дурак после их отъезда собрал свою палатку, а пальцы положил в карман, и сел на своего коня, поехал к тому месту, где он кинул королевскую лошаденку. А приехав к тому месту, слез с своего коня и пустил его гулять, потом увидел, что на том падалище множество было ворон и сорок, то, схватив палку, кинул в них и ушиб премножество ворон и сорок, и, навязав их на веревку и кожу, потащил с собою, принес все во дворец. А как у короля было великое веселie для того, что зятя привели ему оленя, то дурак, подошед под окошки, закричал весьма громко: «Милостивый государь! Вы мне пожаловали лошадь, но она меня не свезла, так я привез вам ее кожу, а притом и дичи для вашего веселия». Король и те две дочери весьма смеялись над ним, но двум королевичам было не до смеху, ибо отрезанные пальцы не давали им покоя. А дурак кинул дичь, пошел в свои покои. После того пришла его жена и говорила ему, как над нею смеялись ее сестры, что она вышла за него замуж, но дурак ей говорил: «Пускай смеются, будет то время, что и ты над ними посмеешься». Потом вскоре после того времени слышал еще король, что бегают по его заповедным лугам свинка-золотая щетинка и с двенадцатью поросятами, то призвал к себе двух умных зятев и говорил им: «Любезные

мои зятя! Когда вы меня любите, то съездите в заповедные луга и поймайте свинку-золотую щетинку и с двенадцатью поросятами». Зятя не хотели его послушаться и приказали оседлать двух верховых лошадей, и как оседлали, то и поехали за свинкой. Принцесса пришла к дураку и говорила: «Что ты сидишь дома? Батюшка послал тех зятьев за свинкою в заповедные луга, то поезжай и ты, может статься, что на твое счастье ее и поймаешь». Дурак говорил: «Да на чем я поеду?» Принцесса пошла к своему отцу и стала просить дураку лошади. Король сказал ей: «Дочь моя любезная! Мне не жаль дать лошади, а только жаль, что все смеются над тобою». Но дочь говорила: «Милостивый государь батюшка! Пускай кто хочет, тот и смеется». Король не мог отказать усиленной ее просьбе, приказал дать ей лошадь. А дурак как услышал, что дана ему от короля лошадь, то не велел ее седлать, а сел так и поехал из дворца.

Потом проехал весь город, и как выехал в поле, то содрал с нее кожу, кинул в поле и сказал: «Вот вам, сороки и вороны, от короля гостинец». А сам свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал как вкопанный. Иванушка-дурачок в ушко влез, а в другое вылез, и стал молодец, ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Потом оседлал своего коня, сел и поехал в чистые поля и заповедные луга, и вскоре поймал свинку-золотую щетинку и с двенадцатью поросятами, и повел ее за собою. Потом выехал на дорогу, раскинул полотняный шатер и привязал к шатру коня и свинку, а поросята уже никуда не бежали от своей матки. Дурак лег отдохнуть в палатке. А как посланные два зятя не могли найти нигде свинки, то возвратились назад и ехали они по той дороге, где стоял Иванушки-дурачка шатер, то и увидели свинку, и говорил один другому: «Вон, братец, тот опять богатырь, у которого мы купили оленя, поедem к нему и попросим его, не продаст ли он нам ее». Итак, согласились оба и поехали к его шатру. И как подъехали, то слезли с своих коней и сняли с себя шляпы, взошли в шатер и поклонились ему с учтивостию, стали его просить, чтоб продал им свинку. Но дурак им отвечал, что свинка его не продажная, а заветная. Королевичи спросили его, что завету? Дурак им сказал, что с руки по пальцу. Тогда они не знали, что и делать: не хотелось им дать по пальцу, но притом хотелось, чтоб и королю услужить. Но дурак говорил им, что никто не сведает, потому что он из дальних государств, а во дворце могут они быть в перчатках, а если король их и спросит, что они в перчатках, то можете сказать, что у вас болят руки, и, наконец, довел их до того, что они согласились дать ему с руки по пальцу. Дурак отрезал у них с

руки по пальцу и отдал им свинку-золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Королевичи уехали, а дурак по отъезде их собрал свой шатер, а пальцы положил в карман, и поехал к тому месту, где он кинул королевскую лошадь. И как приехал, то слез с своего коня и пустил его гулять. Потом увидел на падали множество сорок и ворон, то, подхватя палку, побил их премножество, и, навязав на веревку, взял с собою кожу, и пошел во дворец. И как пришел, то во дворце у короля было великое веселие, и премножество было министров, а дурак закричал: «Вот, милостивый государь, какую вы мне дали лошадь, что не могла меня довезти опять в город, и вот вам ее кожа, а для веселия вашего я привез дичины». После того дурак пошел в свои покои. Потом пришла принцесса и сказывала, как смеялись над нею ее сестры. Дурак говорил ей: «Пускай смеются, будет то время, что и ты над ними посмеешься». Потом спустя несколько времени призвал опять король к себе двух зятьев и говорил им: «Есть за тридевять земель в тридесятом царстве, в Подсолнечном государстве сосна вся золотая, а ветви на ней серебряные, и на ней сидят птицы райские и поют песни царские, а ежели кто желает тою сосною владеть, и хотя сломит одну веточку, и привезет в свое государство, и посадит ее, то на другой же день такая же, как и в том государстве, вырастет, то прошу вас, любезные зятья, сделайте сию услугу и привезите мне сию сосну, за что я вам половину своего королевства отдам». Зятья его, желая получить половину государства, а притом и послушаться его не хотели, и приказали оседлать себе двух верховых лошадей, и, простясь с своими женами и с королем, поехали в путь. Потом вошла в покои к дураку его принцесса и рассказала ему, как король, отец ее, послал тех двух зятьев за тридцать земель в тридесятое царство, в Подсолнечное государство за сосною, и что он обещал им в награждение. Дурак сказал ей: «Поди ж и мне попроси у короля какую-нибудь лошадаенку». Принцесса пошла к своему отцу, а пришедши, говорила: «Милостивый государь мой батюшка! Пожалуйте моему дураку какую-нибудь лошадь». Король сказал ей, усмехнувшись: «Дочь моя любезная! Дурак твой хочет перевести у меня во дворец всех лошадей». Но дочь его говорила: «Любезнейший родитель! Я вас прошу в последний раз». Король не мог более отказать ее усиленной просьбе, велел дать дураку лошадь, а принцесса, поблагодарив своего отца, пошла в покои к дураку и сказала, что она ему лошадь выпросила. Дурак как скоро услышал, то пошел на крыльцо и велел подвести лошадь; а как хотели ее оседлать, то он не велел, а сел на нее без седла и поехал из города в поле.

И как выехал за город, то слез с лошади и ухватил ее за хвост, содрал с нее кожу и кинул в поле, закричал: «Вот вам, сороки и вороны, от короля

гостинец». Потом свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал как вкопанный. Дурак в ушко влез, а в другое вылез, и стал молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. После того клал он на своего коня седелечко черкасское, подпружечку бухарскую, двенадцать подпруг с подпругами шелку шемаханского; шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото на грязи не ржавеет. И как оседлал, то сел на своего коня, бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей, конь осержался, от земли отделялся, подымался выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы и доли меж ног пускал, а маленькие речки хвостом застилал. Ехал он путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал он к тому государству, а потом поехал прямо уже в сад, где была та сосна. И как взошел в сад, то и увидел ту, удивления достойную, сосну, и, подошед к ней, сломил одну веточку. Потом увидел подле нее два колодца, в которых была живая и мертвая вода, то наполнил теми водами бывшие у него в кармане две скляночки; после того немедля пошел вон из саду. Потом сел на своего коня и поехал обратно в свое государство. И ехал он, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал в свое государство и, не доезжая до города, остановился и раскинул свой полотняный шатер при большой дороге, а сосну посадил подле своего шатра, сам же лег отдохнуть. А как два королевича, любимые королевские зятя, ездили и ничего не получили, то и возвратились назад в свое государство. И как ехали они по той дороге, где был его шатер, то и увидели ту сосну, которая посажена была подле его шатра. А как их желание было получить то, зачем король их посылал, то, согласясь между собою, поехали к тому шатру, и как подъехали, то слезли с своих лошадей, и, сняв с себя шляпы, вошли в шатер, и поклонились ему с учтивостию. Потом говорили: «Милостивый государь! Мы пришли к вам спросить, не продажная ли у вас та, удивления достойная, сосна, которая посажена подле вашего шатра?» Но дурак им сказал, что она у него не продажная, а заветная. Королевичи спросили: «Что завету?» Дурак сказал, что его завет невелик, только из спины вырезать у них по ремню. Королевичи, услыша такой завет, весьма задумались и не знали, что делать. Но как им очень услужить хотелось королю, а притом дурак их уверял, что никто не сведает, как они дадут ему завет, «но только везде про вас будут говорить, что вы его достали». Королевичи, наконец, согласились и начали раздеваться, а дурак вырезал у них по ремню и положил в карман; после того отдал им ту веточку. Королевичи взяли и поехали в город, куда приехав, отдали они ту

веточку королю. Король, получа такую драгоценность, весьма обрадовался и сделал великий пир, на который званы были многие министры.

И как во дворце было великое веселие, в то время дурак собрал свой шатер и поехал к городу, и приехал на то место, где лежала данная ему от короля лошадь. И как увидел на ней премножество лежащих сорок и ворон, то, подхватя палку, бросил в них и перебил множество; потом навязал их на веревку и взял с собою с той лошади кожу, пошел во дворец. Король, увидя дурака, засмеялся, а он говорил королю: «Милостивый государь! Вы мне пожаловали лошадь, но она меня не довезла к вам и во дворец, так вот вам ее кожа, притом же и для вашего веселия принес я дичи». Сказав сие, кинул навязанных сорок и ворон, а сам пошел в свои покои. Потом пришла к нему принцесса и пересказала ему, как над нею смеялись, а особливо сестры ее. Дурак говорил: «Потерпи, будет то время, что и ты над ними посмеешься». Потом спустя несколько времени в один день говорил дурак принцессе: «Завтрашний день оденься ты в самое драгоценное платье». Принцесса спрашивала его, на что ей одеваться? Дурак не сказывал ей ничего, а только говорил, чтоб она в тот день оделась. И как пришел тот день, то дурак пошел из дворца, и как вышел он за город в поле, то свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. И как прибежал, то и стал как вкопанный. Дурак в ушко влез, в другое вылез, и стал молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Потом сел на своего коня и поехал в город.

В то время у короля во дворце был великий пир и множество было у него министров. Дурак как скоро выехал в город и как приехал во дворец, то король вышел ему навстречу с двумя своими зятьями и со многими министрами и встретил его с великою честью. Потом повел его в пировальную палату и посадил его за столы дубовые, за ества сахарные, за питья медвяные, и начали за столиком пить, есть и веселиться. Потом как все сидевшие за столом довольно уже подвеселились, то и стали разговаривать. А как дурак сидел вместе с королем, то и говорил он королю: «Милостивый государь! Я слышал, что у вас было три дочери, и они все в замужестве, двоих ваших зятьев я вижу, а третьего не вижу». Король отвечал: «Друг мой! Дочь моя меньшая вышла замуж за дурака, так я от стыда не велю ему выходить из своих покоев». Дурак, не сказывая о себе, говорил: «Милостивый государь! Я нарочно ехал в ваше государство, чтоб взять за себя вашу меньшую дочь себе в замужество». Король, услыша сие, весьма обрадовался и сказал, что он того дурака выгонит вон из государства. Но он в то время встал с своего места и говорил:

«Милостивый государь! Вы хотите для меня выгнать из государства вон дурака, вашей меньшей дочери мужа, но прежде узнайте, кто я таков». Король смотрел на него весьма долго, но никак узнать его не мог, да и нельзя было его узнать, потому что в то время был на нем панцирь и латы, а притом же он был лицом весьма прекрасен. И как никто узнать его не мог, тогда говорил дурак королю: «Узнайте ж меня, милостивый государь, что я меньшей ваш зять, дурак». Король, слыша сие, весьма обрадовался и начал его любезно целовать; потом подошла его супруга, которую он с восхищением обнимал.

А как у тех двух королевичев руки были в перчатках, то говорил дурак королю: «Милостивый государь! Позвольте спросить, для чего ваши любезные зятья сидят за столом в перчатках?» Король отвечал, что у них руки болят, а дурак говорил, что он искусный доктор. Потом просил короля, чтоб приказал им снять с рук перчатки. Король им приказал, и они долго отговаривались, наконец принуждены были снять с рук перчатки. И как сняли, то и увидели все, что у них на руках не было по пальцу. Король, видя сие, спросил их, где у них на руках пальцы? Королевичи не знали, что ответить ему, но Иван-дурачок говорил: «Милостивый государь! Я знаю, отчего нет у них по пальцу на каждой руке». Потом вынул тотчас из кармана и сказал королю: «Вот их пальцы, которые они мне дали за свинку-золотую щетинку». После того просил Иван-царевич короля: «Теперь прикажите разуться». Король тотчас приказал, и принуждены были сделать. И в то время увидели, что у них не было на каждой ноге по пальцу. Иван-дурачок тотчас показал ему те пальцы, которых у них не было, и говорил королю: «Милостивый государь! Вот их пальцы, которые они мне дали за златорогого оленя». После того просил короля, чтоб приказал им раздеться. Король приказал, и зятья разделись, то Иван-дурачок показал королю, что у них на спинах вырезано было по ремню, и говорил: «Милостивый государь! Видите, вот их ремни». И тотчас вынул из кармана и показал. Король, видя сие, весьма на них разгневался, а Иван-дурачок вынул из кармана две скляночки, в которых была живая и мертвая вода, то он, взяв оба ремни, и приложил к их спинам, sprysнул мертвою водою, то они приросли в ту же минуту, а как sprysнул живой водою, то не было никакого знаку, где были вырезаны у них ремни. Потом взял пальцы и приставил к их ногам и sprysнул мертвою и живою водою, то пальцы те приросли, и не было никакого знаку, что они были отрезаны. Потом также и к рукам приставил им пальцы посредством живой и мертвой воды. И как королевичи вылечились, то пад пред Иваном-дурачком, благодарили его, а притом просили у него прощения, что они, не зная, прежде над ним смеялись. Иван-дурачок всех простил великодушно, и король сделал во дворце великий пир, на который званы были все министры, и было великое веселие, а

после того Иван-дурачок с своей принцессою благополучно царствовал тем государством, а отец зятьев отпустил в их отечества.